

УДК 325.3

EDN: ZSJMKG

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran32023166174>

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ КОЛОНИАЛЬНОГО ОПЫТА
В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ БЕЛЬГИИ**

Пётр Викторович Осколков

ИЕ РАН, Москва, Россия, e-mail: petroskolkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4501-9042

Дмитрий Андреевич Сивов

МИД России, Москва, Россия, e-mail: dima_svv@mail.ru, ORCID: 0009-0001-0657-4051

Ссылка для цитирования: Осколков П.В., Сивов Д.А. Трансформация восприятия колониального опыта в публичном дискурсе Бельгии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3. С. 166-174. DOI: 10.15211/vestnikieran32023166174

***Аннотация.** В статье рассматривается эволюция восприятия колониального опыта в бельгийском Конго в общественно-политическом дискурсе современной Бельгии. Предлагается, помимо постколониального и деколониального подходов, а также концепции социальной памяти М. Хальбвакса, наложить на постколониальную рефлексию концепцию «пяти стадий принятия горя» Э. Кюблер-Росс, распространённую в современном психоанализе. Пятая, завершающая стадия «принятия», по мнению авторов, наступила лишь в 2020-х гг., во многом под влиянием общественного запроса, и символически ознаменовалась возвращением сохранившихся останков премьер-министра ДРК на родину. Продемонстрирована сложность рефлексии общего исторического опыта европейских и африканских государств, необходимой для динамичного развития двусторонних и многосторонних отношений.*

***Ключевые слова:** Бельгия, Конго, постколониализм, колониальная система, национально-освободительное движение, национальный нарратив, социальная память.*

Статья поступила в редакцию: 22.05.2023.

**TRANSFORMATION OF COLONIAL EXPERIENCE REFLECTION
IN THE BELGIAN PUBLIC DISCOURSE**

Petr V. Oskolkov

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e-mail: petroskolkov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4501-9042

Dmitry A. Sivov

Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
e-mail: dima_svv@mail.ru, ORCID: 0009-0001-0657-4051

For citing: Oskolkov, P.V., Siviv, D.A. (2023). Transformation of colonial experience reflection in the Belgian public discourse. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN* 33(3): 166-174. (in Russian). DOI: 10.15211/vestnikieran32023166174

Abstract. *In the article, the dynamics in the perception of the Belgian colonial experience in Congo are examined on the evidence of public discourse produced by public political actors in contemporary Belgium. Apart from the universally accepted postcolonial and decolonial optics, the authors suggest employing the five stages of grief model by Kübler-Ross, widespread in psychoanalysis. The concluding stage of acceptance took place in the 2020s caused mainly by public demand; it was performatively landmarked by the return of the Congolese prime minister's remains to his homeland. The authors demonstrate the complexity of the common historical experience reflection in the European and African states and the necessity of this reflection for the dynamic development of bilateral and multilateral ties.*

Key words: *Belgium, Congo, postcolonialism, colonial system, national liberation movement, national narrative, social memory.*

Article received: 22.05.2023.

Отношения Европы со странами Африки остаются актуальной темой международной политической и экономической повестки как на двусторонней основе, так и на уровне сотрудничества интеграционных и протоинтеграционных объединений. В 2020 г. Европейская комиссия подготовила документ «На пути к всеобъемлющей стратегии в отношениях с Африкой», ставший предметом детального обсуждения на VI саммите ЕС и Африканского союза в Брюсселе 17-18 февраля 2022 г. В документах и речах традиционно подчёркиваются «моральные обязательства» европейских стран перед африканскими партнёрами (Биссон 2020), со многими из которых их связывает общая колониальная история и общие, хотя зачастую по-разному интерпретируемые, нарративы социальной памяти. Тем не менее, если политическое и торгово-экономическое взаимодействие интенсивно осуществляется на всех институциональных уровнях (Кулькова 2022), то болезненные вопросы исторической памяти и колониального опыта в основном затрагиваются на двустороннем, межправительственном уровне отношений конкретных африканских государств с бывшими метрополиями, притом не очень часто – именно в силу своей болезненности. Соперничество апологетических и национально-освободительных нарративов в восприятии одних и тех же событий по-прежнему способно существенно осложнить наиболее актуальные сферы взаимоотношений (Филиппова, Филиппов, 2020). Поэтому исследование трансформации колониального нарратива представляется достаточно важным при изучении не только внутривнутриполитических процессов, но и международных связей.

Конголезский сюжет в бельгийской историографии, как правило, рассматривается с точки зрения постколониальной парадигмы (Тлостанова 2020). Важным методологическим источником также служит концепт «социальной памяти» М. Хальбвакса (Хальбвакс 2007). Представляется, что к (пост)колониальной рефлексии также применима концепция «пяти стадий принятия смертельной болезни» Эл. Кюблер-Росс (Кюблер-Росс 2016). Мы не хотим сказать, что деколонизация Конго – это «смертельная болезнь»; напротив, это излечение от

неё. Но теория Кюблер-Росс используется в современном психоанализе для описания различных личностных потрясений, и анализ с её помощью потрясения социального кажется потенциально интересным мыслительным экспериментом. Применительно к Конго травматичность колониального опыта очевидна; для Королевства Бельгия она заключается прежде всего в самом факте потери колонии, а также в необходимости рефлексии по поводу ставших широко известными подробностей поведения колонизаторов. Тем более что дискурс, окружающий бельгийские постколониальные нарративы, крайне эмоционален и по сей день – достаточно почитать, как воспринимают его отдельные правые (например, Жан-Мари Дедекер) и левые (например, Людо Де Витте) общественные деятели.

Итак, пять стадий принятия болезни по Кюблер-Росс – это отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие. Важно оговориться, что в случае Бельгии, как и многих других колониальных держав, соответствующие «стадии» зачастую формируют параллельные потоки дискурса.

Пять стадий принятия (де)колониальной травмы

Начнём с *отрицания*. Колония досталась Бельгии с большим трудом: долгий путь начался с основания в 1876 г. в Брюсселе Африканской международной ассоциации (де-юре – для продвижения гуманитарных проектов в Центральной Африке, «принесения плодов цивилизации» в этот регион, отводя, таким образом, подозрения Франции и Великобритании от бельгийских колониальных планов; де-факто – с целью создания юридической базы для последующей экономической экспансии). Королевство финансировало научные экспедиции Генри Мортон Стэнли в 1878–1884 гг., действительной целью которых было юридическое закрепление за Африканской ассоциацией (к этому времени в ней безраздельно властвовал король Леопольд II) как можно больших территорий ещё слабо исследованной центральной части современной Демократической республики Конго путём заключения торговых договоров с вождями местных племён (Hochschild 2003). Так называемая «битва за Африку» завершилась на Берлинской конференции 1884–1885 гг. После долгих споров её участников, взаимных угроз и дипломатической работы представителей Бельгии при негласной поддержке канцлера Германии О. фон Бисмарка в 1885 г. Леопольду II удалось заполучить часть Африки. К тому моменту такие державы, как Франция и Великобритания, уже практически поделили континент, и общества западноевропейских стран, обделённых при колониальном разделе, переживали по этому поводу предсказуемое чувство бессильной зависти. Неудивительно, что впоследствии принимать факт того, что колония уходит, мало кому хотелось – как многим не хочется сейчас признавать зверства, творимые колониальной администрацией в отношении коренного населения. Безусловно, Бельгия не является здесь исключением из общего правила, но кисти рук, отрезавшиеся у живых конголезцев, бельгийцам и по сей день регулярно припоминают (среди последних проявлений значимости этой темы – художественный фильм «Ритуал», снятый в 2022 г. бельгийским режиссёром Х. Херботсом по роману Мо Хайдер).

Яркий пример отрицания нам даёт командующий колониальной армией Эмиль Янссенс, через несколько дней после провозглашения независимости Демократической республики Конго (далее – ДРК) во время речи перед офицерами написавший на классной доске: «до независимости = после независимости», имея в виду, что, несмотря на смену флагов, порядок вещей остался неизменным (Van Doorslaer 2003: 164). Из более недавних примеров весьма характерна реплика принца Лорана, сказавшего в 2020 г.: «Леопольд никогда не был в Конго, я не понимаю, как он мог заставить людей там страдать» (Le Prince Laurent... 2020).

В контексте отрицания бельгийскими элитами факта потери колонии большое значение имеют и события 1959 г. К этому времени процесс дестабилизации политической обстановки

в колонии, инициировавшийся, по мнению ряда бельгийских историков, спецслужбами США с 1955 г., который включал разжигание межплеменных конфликтов и дискредитацию колониальных властей (Devlin 2009), вышел на завершающую стадию. После Второй мировой войны США оказались одним из неоспоримых мировых гегемонов с серьёзными экономическими возможностями и развитым военно-промышленным сектором. Для дальнейшего развития и в первую очередь реализации ядерной программы требовалось большое количество доступных ресурсов, которые можно было найти в Африке. Но в то время контролируемые африканские колонии страны не давали возможности американским компаниям закрепиться на континенте.

Конго представляло для США стратегическую важность: в бельгийской колонии были открыты обширные залежи урана. Прямой контроль над богатым месторождением давал Вашингтону возможность получать дешёвую руду, значительно продвигал развитие ядерной программы и перекрывал дорогу конкурентам (Verlinden 2014). Владевшая столь обширными богатствами Бельгия оставляла исключительно за своими предприятиями право добычи и продажи на мировом рынке конголезских ресурсов. Конго считалось крупной индустриально развитой территорией в Африке, но было достаточно закрытой колонией: до 1950-х гг. не только коренное население, но и местные европейцы практически не поддерживали контактов с европейскими странами (Verlinden 2014). Развитие в Конго телеграфа, телевидения и радио произвело ломку в сознании местного населения: многие впервые узнали о существовании других стран.

Наибольшее влияние на умы жителей Конго имели США и СССР. До 1950-х гг. местные жители (в том числе благодаря грамотной изоляционной политике бельгийцев) были абсолютно уверены, что сложившаяся у них форма власти и система эксплуатации такие же, как и во всём мире. Именно на них и была направлена основная информационная кампания Вашингтона. В частности, распространялись листовки о превосходстве демократической формы правления и о праве любого народа на самоопределение (Verlinden 2014).

К началу 1959 г. наиболее активная часть конголезской молодёжи объединилась вокруг трёх недавно сформированных партий – Национального движения Конго (НДК), выступавшего за мирное решение вопроса о предоставлении независимости и избравшего своим главой Патриса Лумумбу, Партии африканской солидарности и радикальной Конфедерации племенных ассоциаций Катанги. Итогом их работы стало совместное письмо премьер-министру и парламенту Бельгии о провозглашении независимости Конго от 25 августа 1959 г. В попытках спасти ситуацию бельгийский парламент под предлогом создания бельгийско-конголезской конфедерации пригласил глав указанных партий в Брюссель (П. Лумумба, сославшись на дела в партии, остался в Леопольдвилле), где они погибли во время взрыва и последовавшего за ним пожара в гостинице (Ergo 2009). Как и предполагали в Брюсселе, гибель почти всех лидеров национальных движений отложила объявление независимости до июня 1960 г. – согласно Э. Кюблер-Росс, «откладывание» событий во времени является одной из распространённых стратегий «отрицания». Однако, с другой стороны, происшествие способствовало росту популярности П. Лумумбы и его партии. Наиболее важно, что это событие окончательно убедило конголезское население в нежизнеспособности любых политических формирований с бельгийским участием.

Вслед за отрицанием пришёл *гнев*. Известна эмоциональная реакция короля Бодуэна на речь П. Лумумбы по случаю провозглашения независимости. В ответ на патерналистские слова Бодуэна, подчёркивающие благотворность колониального периода для конголезцев, премьер-министр ДРК сделал ряд достаточно резких заявлений. Он подчеркнул, в частности, что не-

зависимость – результат не уступки бельгийцев, а активной национальной борьбы, и упрекнул бельгийцев за «унизительное рабство», в котором по их воле находился конголезский народ.

Обиженный король демонстративно покинул зал и лишь благодаря уговорам министра иностранных дел ДРК Жюстен Мари Бомбоко согласился не уезжать до конца торжественных церемоний (Sealy 2020: 243). Брат Бодуэна, будущий король Альберт II, в 1960 г. писал: «Корни конголезского кризиса – в одном-единственном человеке, Патрисе Лумумбе» (De Witte 2010). Обида на первых лиц нового государства дополнялась возмущением и шоком, которые вызвали бесчинства конголезских солдат. Почувствовав, что они наконец-то могут отомстить за 75 лет колониального ига, военнослужащие новообразованной армии ДРК насиловали жён белых офицеров, избивали и убивали случайно встреченных белых людей (Verlinden 2002). Как видим, гнев испытывали обе стороны. Действительно, бельгийская община в Конго исчезла почти без следа буквально за десять дней после провозглашения независимости (Van Doorslaer 2003: 165), исход белых из ДРК был стремительным. Помимо всего прочего, отмечалось более негативное отношение конголезцев именно к фламандцам: коренные жители не простили, что северяне заставляли их учить нидерландский язык (в дополнение к обязательному французскому) и в разговорах переходили на него, чтобы местные их не поняли (Van Doorslaer 2003: 170-171).

Следующие две стадии – *торг* и *депрессия* – наступили практически параллельно. Можно даже сказать, что в бельгийском случае они поменялись местами: в первые четыре десятилетия после обретения ДРК независимости бельгийское общество (та его часть, которую прямо или косвенно затронул конголезский сюжет) пребывало в депрессивной растерянности. К собственно «торгу» бельгийская элита приступила лишь в начале XXI в.: тогда чувства несколько притупились и стало возможным публичное и официальное обсуждение колониального опыта. Обсуждение это на тот момент сводилось к полумерам и компромиссам.

Так, правительственная комиссия по расследованию убийства Лумумбы в 2001 г. признала «определённую моральную ответственность» бельгийского правительства, фактически сняв с властей королевства ответственность практическую. Другой важный компромисс проиллюстрировал в 2005 г. министр иностранных дел Бельгии Карел Де Гюхт в своей речи, произнесённой на открытии выставки «Память Конго». Он заявил, что все преступления колониального режима закончились с трансформацией нынешней ДРК из «Свободного государства Конго» («государство» в личной унии с королём Леопольдом II, которым он управлял как частное лицо совместно с губернатором Генри Мортонем Стэнли) в «обычную» бельгийскую колонию в 1908 г. (Мазов 2016). Действительно, колония тогда перестала быть личным владением Леопольда II и стала коллективным владением бельгийского государства, но изменился ли колониальный режим? Исторические данные не свидетельствуют о значимом ослаблении давления колониальной администрации на конголезцев.

Данные «компромиссные» рассуждения соседствовали с положительно окрашенными воспоминаниями о «Бельгийском Конго»: справедливо напоминалось о том, что бельгийцы принесли в колонию европейское образование, архитектуру, культуру. При этом отрицалось (либо замалчивалось) пагубное бельгийское влияние на политические процессы в ДРК вскоре после объявления независимости: ведь именно бельгийцы привели к власти антикоммунистического диктатора Жозефа-Дезире Мобуту (после смены имени – Мо-буту Сесе Секо) и способствовали её удержанию в его руках, так как с ним было проще поддерживать постколониальные контакты. Мобуту негласно способствовал передаче наиболее важных для экономики горнодобывающих и транспортных предприятий бельгийским компаниям (45% экспорта Заира, как официально именовалась ДРК в 1971–1997 гг., в середине 1970-х гг.

направлялось в Бельгию напрямую без уплаты пошлины в заирский бюджет, причём $\frac{4}{5}$ экспорта приходилось на продукцию горнорудной промышленности (Винокуров 1976)). Когда же Мобуту в 1980-х гг. провозгласил новую экономическую реформу для национализации основных промышленных предприятий и передачи торгового дохода в казну, бельгийцы поддержали бежавшего от политического преследования в Руанду Лорана-Дезире Кабилу. Последний, при поддержке руандийского правительства, поднял в 1996 г. восстание на востоке Заира, завершившееся на следующий год свержением диктатуры Мобуту (и установлением, как показало время, ещё более жестокого режима) (Verlinden 2014).

С той же целью бельгийское правительство гласно и негласно поддерживало сепаратистский режим Моиза Чомбе в непризнанном государстве Катанга (выступал за полное сохранение связей с Королевством и поощрял присутствие в регионе бельгийских алмазодобывающих компаний). В 2010 г., в год 50-летия независимой ДРК, кинофестиваль *Afrika Film Festival* планировал продемонстрировать фильм Рауля Пека «Лумумба» (снятый в 2000 г.), но правительство пригрозило в таком случае сократить финансирование (Braeckman 2010). Вкратце этот период (1960–2020 гг.) можно охарактеризовать как эпоху попыток «поддержания комфортного нарратива» (Van Milders 2016), служащего в первую очередь тому, чтобы само бельгийское общество примирилось как со своими действиями в бывшей колонии, так и с её окончательной потерей.

Символическое завершение долгого процесса

Стадия полноценного *принятия* наступила, пожалуй, лишь в последнее время. В 2020 г. с провозглашения независимости ДРК прошло 60 лет. Король Филипп в письме по поводу юбилея выразил конголезцам сожаление в связи с деятельностью своих предшественников, но лично посетил страну лишь в июне 2022 г.: поездка дважды откладывалась из-за пандемии коронавируса. Монарх произнёс в Киншасе речь, в которой от лица как всех бельгийцев, так и конкретно королевской семьи выразил «глубокое сожаление» по поводу того, чем запомнились Конго предыдущие бельгийские правители. Однако формальные извинения так и не были принесены – во многом потому, что, как правило, подобный шаг должен повлечь за собой финансовую компенсацию. Тем не менее это явный прогресс: король Альберт II (ранее писавший, что «вся проблема в Патрисе Лумумбе») в принципе не заявлял ничего подобного в ходе празднования 50-летнего юбилея в 2010 г. Нынешнюю же годовщину сопровождала деятельность парламентской «Комиссии по Конго», учреждённой в 2021 г. Первым её решением стало рассекречивание вышеупомянутого парламентского расследования 1999–2001 гг. относительно гибели П. Лумумбы и запрос в прокуратуру о передаче Комиссии более 200 связанных с этим делом документов.

Во многом такое *принятие* оказалось вынужденным: когда на Бельгию в 2020–2021 гг. перекинулась активность антирасистского движения «Жизни чёрных имеют значение» «*Black Lives Matter*», мишенью протестующих стало именно колониальное прошлое страны. В частности, в разных бельгийских городах разрушались памятники Леопольду II (Le Prince Laurent... 2020). Общественный запрос на прояснение позиции бельгийских властей по поводу колониальной политики формировался начиная с 1960-х гг., однако оставался во многом уделом узкой прослойки интеллектуалов-историков, мнением которых можно было пренебречь. С 2020-х гг., напротив, стал очевиден более широкий масштаб указанного запроса, исходящего теперь из самых разных социальных слоёв, и не считаться с ним было уже сложнее.

К этому же времени Комиссия была вынуждена согласиться с выводами расследования 2001 г. о прямом вмешательстве бельгийского государства во внутренние дела Конго в 1960–

1961 г. с целью дестабилизации обстановки, в том числе путём передачи в Конго 50 млн бельгийских франков на поддержку оппозиционно настроенных СМИ и, отдельной строкой бюджета, «на операции под прикрытием». Комиссия пришла к выводу, что со стороны бельгийских властей не было прямого приказа о ликвидации конголезского премьер-министра. Но с учётом признанного наличия подобных планов у США, Бельгия скорее способствовала их осуществлению (так, удалось доказать, что к убийству и перемещению Лумумбы в последнее место заключения были причастны высокие чиновники в Браззавилле и Леопольдвилле, которые напрямую сотрудничали с бельгийским правительством). После его убийства бельгийские власти, по мнению Комиссии, совершили ряд «безответственных поступков», попытавшись дезинформировать общественность о случившемся и отвести подозрения от конголезских коллаборационистов (что, в действительности, лишь укрепило в общественном сознании идею о причастности Бельгии). По мнению проводивших расследование, ни Бельгия, ни Конго в своих отношениях так и не смогли «переступить» через совместное прошлое, что значительно усложняет процесс примирения и ещё долго будет препятствовать нормальному развитию двусторонних связей (Vasquelaine et al. 2001).

Наконец, 20 июня 2022 г. формальные извинения прозвучали. Их принёс премьер-министр Александер Де Кроо – но не народу Конго, а семье убитого премьер-министра Патриса Лумумбы. Извинения сопровождались весьма символическим шагом, а именно: родственникам Лумумбы торжественно вернули его зуб. Предыстория такова: Лумумбу несколько раз перевозили из одной тюрьмы в другую, в конечном итоге он был убит, а бельгийским полицейским было поручено избавиться от его тела. Комиссар полиции Герард Суте расчленил труп и поместил его в бочку с кислотой, оставив себе на память золотой зуб конголезского национального героя и несколько отрубленных пальцев. Пальцы со временем были утрачены. О наличии зуба Суте рассказал в интервью историку Людо Де Витте в 1999 г.; после публикации его книги (De Witte 2020) и выхода нескольких документальных телепрограмм и была учреждена вышеупомянутая комиссия по расследованию бельгийского участия в убийстве. В 2016 г. дочь Суте показала реликвию в очередном интервью. После этого зуб у неё конфисковали, и 20 июня 2022 г. он был торжественно передан семье убитого премьер-министра. Этот акт, как хотелось бы надеяться, символически знаменует переход к новой стадии пост-колониальной рефлексии в бельгийском обществе.

* * *

Процесс интерпретации и реинтерпретации нарративов национальной истории никогда не прекращается. Все страны Африки, находившиеся под колониальным влиянием, вольно или невольно включали проблему обретения независимости и дальнейших отношений с бывшей метрополией в целостный нарратив строительства нации, и потому попытки вытеснения памяти об этом историческом периоде обречены на провал. В не меньшей степени верно это и для бывших европейских колониальных держав, которые зачастую руководствуются естественным стремлением забыть о противоречивых вехах собственной истории. Однако без переосмысления колониального опыта невозможно выстраивание как двусторонних отношений стран Европы с бывшими колониями, так и Европейского союза с африканскими наднациональными объединениями. Бельгийский опыт демонстрирует сложный, поэтапный и неизбежный характер этого процесса, а также его принципиальную незавершимость в настоящий период исторического развития.

Список литературы / References

Vacquelaine, D, Willems, F., Coenen M.-T. (2001). Enquête parlementaire visant à déterminer les circonstances exactes de l'assassinat de Patrice Lumumba et l'implication éventuelle des responsables politiques belges dans celui-ci. Chambre des Représentants de Belgique. 16.11.2001. Available at: <https://affaire-lumumba.be/commission.html#rapport> (accessed 16.05.2023).

Braeckman, C. (2010). Congo: festivals Afrika et Afrique taille XL «censurés»? Le Soir. 24.03.2010. Available at: https://www.lesoir.be/art/congo-festivals-afrika-et-afrique-taille-xl-censures-_t-20100324-00URPJ.html (accessed 23.02.2023).

De Witte, L. (2010). De geesten van Leopold II en Lumumba dwalen nog steeds door dit land. Apache. 12.04.2010. Available at: <https://www.apache.be/2010/04/12/de-geesten-van-leopold-ii-en-lumumba-dwalen-nog-steeds-door-dit-land> (accessed 23.02.2023).

De Witte, L. (2020). De moord op Lumumba. Kroniek van een aangekondigde dood. Tielt: Kri-tak.

Devlin, L. (2009). J'étais chef de la C.I.A. au Congo. Mémoires. Paris: Jourdan Editeur.

Ergo, A.-B. (2009). Congo belge: la colonie assassinée. Bruxelles: L'Harmattan.

Hochschild, A. (2003). Les fantômes du roi Léopold: un holocauste oublié. Paris: Belfond.

Le prince Laurent ne voit pas comment Léopold II «a pu faire souffrir des gens au Congo». Le Soir. 12.06.2020. Available at: <https://www.lesoir.be/306692/article/2020-06-12/le-prince-laurent-ne-voit-pas-comment-leopold-ii-pu-faire-souffrir-des-gens-au> (accessed 23.02.2023).

Sealy, M. (2020). Picturing Lumumba: Framed in Colonial Time. Lumumba in the Arts. Leuven: Leuven University Press: 238-244.

Van Doorslaer, R. (2003). De ondergang van de kolonialen: Over Peter Verlindens Weg uit Congo, de sociale herinnering van de kolonialen en de wetenschappelijke geschiedschrijving. Bijdragen tot de Eigentijdse Geschiedenis 11: 161-172.

Van Milders, L. (2016). Tussen nostalgie en amnesie: «Belgisch Congo» vandaag. De Wereld Morgen. 31.03.2016. Available at: <https://www.dewereldmorgen.be/artikel/2016/03/31/tussen-nostalgie-en-amnesie-%C2%93belgisch-congo%C2%94-vandaag/> (accessed 23.02.2023).

Verlinden, P. (2002). Weg uit Congo. Het drama van de kolonialen. Leuven: Davidsfonds.

Verlinden, P. (2014). Het goud van Congo. Antwerpen/Brussel: Houtekiet/VRT Nieuwsdienst.

Биссон, Л.С. (2020). Новая стратегия ЕС для Африки: в поисках подлинного партнёрства // Современная Европа 3: 39-50. [Bisson, L. (2020). The EU's New Strategy for Africa: in Search of a Genuine Partnership. Contemporary Europe 3: 39-50. (in Russian).] DOI: 10.15211/soveurope320203950

Винокуров, Ю.Н. (1976). Заир. М.: Издательство «Мысль». [Vinokurov, Yu. (1976). Zaïre. Moscow: Mysl Publishing.]

Кулькова, О.С. (2022). «Старые» и «новые» игроки в Африке: драйверы изменения их политики в отношении континента (2010-2022 гг.) // Азия и Африка сегодня 12: 39-46. [Kulkova, O. (2022). «Old» and «new» players in Africa: Drivers of change in their policies towards the continent (2010–2022). Asia and Africa Today 12: 39-46. (in Russian).] DOI: 10.31857/S032150750023560-8

Кюблер-Росс, Э. (2016). О смерти и умирании. М.: Корвет. [Kübler-Ross, E. (2016). On Death and Dying. Moscow: Corvet. (in Russian).]

Мазов, С.В. (2016). Демократическая республика Конго // Чёрная Африка: прошлое и настоящее. М.: Университет Дмитрия Пожарского: 249-276. [Mazov, S. (2016). Democratic Republic of Congo. In: Black Africa: Past and Present. Moscow: Dmitry Pozharsky University: 249-276.]

Тлостанова, М. (2020). Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциали-

стическая медиация // Новое литературное обозрение 1: 66-84. [Tlostanova, M. (2020). Post-colonial Lot and Decolonial Choice: A Post-Socialist Meditation. *Novoye Literaturnoye Obozrenie* 1: 66-84.]

Филиппова, Е.И., Филиппов, В.Р. (2020). Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология 6: 77-80. [Filippova, E., Filippov, V. (2020). The collapse of the French colonial Empire in the Memory Politics of the Fifth Republic. *Bulletin of Altay State University. Historical Sciences and Archeology* 6: 77-80. (in Russian).] DOI: 10.14258/izvasu(2020)6-13

Хальбвакс, М. (2007). Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство. [Halbwachs, M. (2007). *Social Frameworks of Memory*. Moscow: Novoe Izdatelstvo. (in Russian).]